

Павлов Р. А. Отречение. Крестный путь Бенедикта XVI

Ознакомительный фрагмент

Глава первая. Удар молнии

Ключевое слово: Отказываюсь

11 февраля 2013, понедельник

«Хорошо понимая серьезность этого акта, я в полной свободе заявляю, что отказываюсь от служения Римского епископа, Преемника Святого Петра, вверенного мне кардиналами 19 апреля 2005 года». Бенедикт XVI, декларация на Консистории 11 февраля 2013.

Консистория – собрание кардиналов, возглавляемое Папой Римским, это административное мероприятие по управлению Церковью, и, как таковое, мало кому интересно. Если консистории, где Папа объявляет имена новых кардиналов, еще обещают какие-то сюрпризы, а открытые и торжественные привлекают зрителей, то ординарная консистория, проходящая за закрытыми дверями в присутствии небольшой части кардиналов, находящихся на тот момент в Риме, – дежурное событие, которое скрашивается лишь присутствием Папы.

Как и планировалось, в этот день Бенедикт XVI объявил о готовящейся, наряду с другими, канонизации 813 мучеников Отранто, погибших за веру от рук мусульман в XV веке. Шаг довольно смелый на фоне мировой исламской напряженности, однако о нем было известно загодя, и церемониальное собрание по этому поводу – пустая формальность. Лишь произошедшее впоследствии, как гигантская вспышка, сохранило каждый штрих этого дня нетленным, словно «тени Хиросимы».

Брезжило унылое и серое утро понедельника 11 февраля. Над Римом сгущались тучи, слабый свет лился из окон, выходящих во внутренний дворик Сан Доммазо, куда

подъезжают служебные машины и кортежи глав государств, и тускло светились лоджии Рафаэля. В 10.55 понтифик оставил свои апартаменты и спустился на лифте во вторую лоджию. Он вошел в зал, делая маленькие шаги (с некоторых пор ему трудно ходить, но на публике он появляется без трости, передавая ее в руки секретаря прямо перед дверью). Бордовая моццетта оторочена горностаем, тяжелая расшитая стола, белые волосы, белая шапочка. Когда приходит Папа, даже самый скучный день становится домашним, понятным и осмысленным. Прозвучала полуденная молитва, кардинал-префект Анджело Амато зачитал краткую биографическую справку о святых, а Папа объявил дату канонизации. Далее, по незыблемой программе, последовали молитва и благословение. Внезапно Бенедикт XVI садится обратно, и ему снова подадут микрофон.

Рассказывает архиепископ Лео Кёшли, ставший очевидцем консистории 11 февраля:

«... Затем взял слово Святой Отец. В тот раз я впервые присутствовал на консистории, поэтому я не представлял, нормально это или нет. Он говорил на латыни, так что от всех нас потребовалось больше усилий, чем обычно – повседневным языком курии является итальянский, поэтому было заметно некоторое напряжение, поскольку мы старались понять, к чему он ведет.

Через несколько секунд стало ясно, что происходит. Это не было обычным обращением. Он говорил не о консистории и не о будущих святых, не о кадровых изменениях, не о годовщине Латеранских соглашений и не о конце исторического спора с Италией. Напротив, он сам творил историю. Я почувствовал, как внутри у меня всё сжалось, как только я представил, что прямо перед нами происходит нечто не виданное веками: добровольное отречение Римского Понтифика.

Было видно, как напротив меня, в замедленном движении, телеоператор мультяшным жестом изумления прикрыл свой рот рукой, монсеньор, сидевший рядом, начал тихонько

всхлипывать, плечи архиепископа Генсвайна опустились. Кардиналы наклонились вперед, чтобы убедиться, что они правильно понимают сказанное, и я сам обнаружил, что проверяю, не упала ли моя челюсть. Затем наступило молчание.

После небольшой паузы, декан Коллегии кардиналов, кардинал Анджело Содано встал и взял слово. Я не помню точно, что он говорил, но это было что-то краткое, успокаивающее и подходящее моменту. Было ясно, что он был проинформирован заранее и подготовил несколько слов. Напротив, лица остальных кардиналов свидетельствовали, что они не были предупреждены о том, что должно было произойти в то утро.

После того, как кардинал Содано приветствовал Папу, мы последовали за Святым Отцом к выходу из зала. Хор попытался петь какое-то заключительное песнопение, но всё это казалось уже немного неуместным. Я посмотрел вокруг, чтобы увидеть кардиналов, которые собрались в небольшой круг и смотрели друг на друга в изумленном молчании.

Папа объявил, что уйдет в отставку спустя три недели, но это уже ощущалось как конец. Мы двинулись за ним к лифту, который шел наверх, в его апартаменты. Обычно всё это происходило со спокойным достоинством, но теперь это было в атмосфере тихого шока.

Возле лифта он обернулся, чтобы поприветствовать нас. Мы просто не в силах были произнести наши обычные прощальные слова – “До завтра, Святой Отец”, “Приятного аппетита, Святой Отец!” или “С праздником!”; я не помню, был ли я в состоянии вообще что-то ему сказать. Мы пожимали ему руку в молчании или бормотали что-то нечленораздельное. Когда я держал его руку, я подумал, что он выглядит очень старым и очень бледным. Потом он ушел. Я повернулся к одному из мирян во главе группы, сжал его руку и сказал: “Ora, cosa facciamo?” (“Что нам теперь делать?”). Он ничего не ответил на это...»

«Заявляю, что отказываюсь от служения Римского епископа [...], так что с 28 февраля 2013 года, с 20 часов, Римская кафедра, Престол Святого Петра, будет вакантным».

В 11.41 кардиналы побледнели. Пятью минутами позже в 11.46 репортер итальянского новостного агентства «Анса» (Ansa) Джованна Кирри первой сообщила миру сенсационную новость, еще через шесть минут в 11.53 ее процитировали агентства Рейтер и Франс Пресс. Затем один за другим заговорили телеканалы: CNN, «Аль-Арабия», BBC, Sky News. Экстренный выпуск на сайтах всех газет. Медийная буря приобрела планетарный масштаб. Даже арабские медиа информировали зрителей в реальном времени, канал «Аль-Джазира» держал постоянную красную плашку.

«Я отправила новость и заплакала»

В тот день у мониторов пресс-центра Ватикана с прямой трансляцией из Зала Консистории дежурило всего несколько человек: итальянская журналистка, двое французов, мексиканец и японец.

«Консистория закончилась, но Ратцингер не уходил, – вспоминала впоследствии Джованна Кирри (Giovanna Chirri), – он остался сидеть с этим листком в руке. Потом Папа сказал на латыни, что собирается объявить нечто очень важное для всей Церкви. Как только он произнес несколько слов, я поняла, что он собирается отречься...

Произношение Ратцингера, когда он говорит по латыни, очень четкое и ясное, не смотря на слабый немецкий акцент, поэтому все было понятно, хотя его голос звучал тихо, как будто подавлено... Я достаточно стара, и в гимназии мне доводилось переводить с латыни на итальянский без словаря. Меня осенило после слов «из-за преклонного возраста».

Мне стало нехорошо, кажется, подскочило давление. В голове стучало, мои колени дрожали, а дыхание перехватило. Я в ступоре сидела перед монитором Зала Печати, это был трудный момент. Наконец, он произнес

слово «конклав» и у меня остановилось сердце. «Мамма мия, думала я, он отрекается...» Я запаниковала: в одиночку распорядиться такой новостью – это непомерная ответственность. Я принялась звонить, но никто не поднимал трубку. Затем падре Федерико Ломбарди дал подтверждение. Я отправила экстренное сообщение и разрыдалась. У меня было чувство, что меня переехал трамвай».

В это время японский коллега Джованни отходил выпить кофе.

Декларация под микроскопом

Оригинальный латинский текст декларации об Отречении содержит 251 слово. Она датируется не понедельником 11, а воскресеньем 10 февраля. Йозеф Ратцингер собственноручно написал ее в воскресенье днем, пользуясь карандашом – он всегда так набрасывает свои черновики. После воскресной полуденной молитвы Ангел Господень (Angelus) он предупредил декана Анджело Содано и госсекретаря Ватикана Тарчизио Бертоне, чтобы утром в понедельник они принесли с собой копию текста и следили за чтением слово в слово. О том, что готовится, знали заранее также заместитель госсекретаря архиепископ Анджело Беччу и личный секретарь Папы Георг Генсвайн.

Однако бумага, не имеющая аналогов в двухтысячелетней истории Церкви, вышла за пределы личных апартаментов Папы только на рассвете следующего дня. Наученный горьким опытом, понтифик не допустил утечки информации. Бенедикт XVI доверил рукопись своей секретарше монахини Бирджит Вансинг (Birgit Wansing), которая одна способна расшифровать его бисерный нервный почерк. Только утром понедельника госсекретариат приступил к переводу латинского текста на языки коммуникации Святого Престола: итальянский, английский, немецкий, французский, испанский, португальский, польский и арабский. Письменный текст декларации, получивший распространение в Ватикане около полудня, содержал три ошибки. Когда Ратцингер читал его в зале Консистории, он правильно сказал «vita» в аблативе,

однако распространяемый документ содержал «vitae» в генитиве. Еще одно ошибочное согласование: аккузатив «commissum» (и Папа так прочел) вместо датива «commissio». И наконец, начало периода Вакантного Престола вечером 28 февраля было указано «в 29 часов», вместо в 20 часов, объявленных Бенедиктом XVI. Знак ужасающей спешки, ведь на клавиатуре 0 и 9 стоят рядом.

Вряд ли из этих, впрочем, весьма поучительных данных, сообщенных впоследствии итальянской прессой, можно сделать какой-нибудь содержательный вывод. Столь детальный анализ больше говорит об охватившей всех растерянности. Никто не знал, что делать, только жернова прессы перемалывали информацию и отжимали скупые зерна.

Молния

Однако точку в этом дне поставили иные силы. «Как гром среди ясного неба», – так в ответной речи охарактеризовал отречение Папы кардинал-декан Анджело Содано. То, что в русской идиоме «гром» – в итальянской «молния». И молния ударила.

С черных небес помраченного Рима в купол собора Святого Петра полыхнул, прорезав тучи, миллионовольтный электрический разряд. Удар был такой силы, что люди, прятавшиеся от дождя под колоннадой Бернини, буквально подскочили, сообщает очевидец. Как позднее рассказал секретарь Бенедикта монс. Генсвайн, Папа тоже услышал грохот и отправил его посмотреть, что происходит. Тот долго всматривался в дождливую темноту, но ничего не увидел. Примечательно, что среди тех, кого ливень загнал под колоннаду, был и фотограф информагентства «Анса» Алессандро ди Мео (Alessandro Di Meo). На другой день его снимок молнии, впившейся в крест Святого Петра, стал главной иллюстрацией и символом отречения Римского Понтифика.

Как сообщил Алессандро ди Мео автору этой книги:

«Надвигалась гроза. Я увидел первую молнию и спрятался под колоннадой. Пока я протирал линзы, одна молния ударила в купол. Я сделал несколько попыток, прежде, чем молния ударила, когда я нажимал на спуск». Фотограф передал технические детали: экспозиция снимка – выдержка 8 секунд, диафрагма 9, светочувствительность 50 Iso, настройки сделаны вручную. «Это была правильная молния, в правильном месте, в нужный момент. Мне потребовалось упорство и, почему нет, щепотка удачи».

Вместо штатива камера была установлена на парапет, и 40 минут он ждал нужного момента. «Я поставил широкоугольный объектив, что позволило мне захватить базилику целиком». Камера зафиксировала время: 17.56.

Снимок породил бурную полемику, фоторепортера обвинили в подлоге. Ведь в контексте отречения Бенедикта XVI этот откровенный кадр выглядел пугающе, заставляя задуматься о сверхъестественной реальности. И мягкотелое человечество, почувствовав себя голым под бичами вечности, принялось протестовать, виня во всем искусство монтажа и «Фотошопа». Решительно встал вопрос – была ли молния?

Тем не менее, данные подтвердились: фотографа поддержали ученые. Стефано Дитрих (Stefano Dietrich), начальник итальянского отделения европейской сети наблюдения за молниями Linet (при научно-исследовательском институте атмосферы и климата (Isac) Национального совета по исследованиям в Риме) сообщил показания приборов, снятые накануне. «В 17,54 в понедельник 11 февраля мы зарегистрировали две вспышки с интервалами 75 тысячных секунды с дистанцией 3 километра друг от друга. Предположительно, это были две ветви одной молнии, и не исключено, что одна из этих ветвей попала именно в купол Сан-Пьетро. Я решительно исключаю, что здесь идет речь об эффекте перспективы». Небольшое расхождение во времени, вероятно, вызвано установками самой фотокамеры. Итак, снимок верен и речь идет о факте: в день отречения Папы Римского в собор Святого Петра ударила молния.

